

“НАШ ПРИХОД”

“Our Parish”

Русская Православная Церковь Сретения Господня

Russian Orthodox Church of the Presentation of Christ in the Temple

5 Wheeler Terrace, Stratford Connecticut 06614 USA

Телефон: 203-375-8342

свят. Константин Семянко, *Настоятель*. Сотовый телефон: 860-836-1271 email: semyankoc@yahoo.com

Двадцать пятый год издания.

№ 2025-11

Ноябрь 2025

РАСПИСАНИЕ		Ноябрь	SCHEDULE		November
Неделя 21-я по Пятидесятнице.			Twenty-first Sunday after Pentecost.		
1 Суб	Всенощная. Ин. 21:1-14	6:00 ч.в.	1 Sat	Vigil. John 21:1-14	6:00 PM
2 Вск	Литургия.	9:30 ч.у.	2 Sun	Divine Liturgy.	9:30 AM
Гал. 2:16-20, Лк. 16:19-31.			Гал. 2:16-20, Luke 16:19-31		
Неделя 22-я по Пятидесятнице.			Twenty-second Sunday after Pentecost.		
8 Суб	Всенощная. Ин. 21:15-25	6:00 ч.в.	8 Sat	Vigil. John 21:15-25	6:00 PM
9 Вск	Литургия.	9:30 ч.у.	9 Sun	Divine Liturgy.	9:30 AM
Гал. 6:11-18. Лк. 8:26-39			Гал 6:11-18. Luke 8:26-39		
Неделя 23-я по Пятидесятнице.			Twenty-third Sunday after Pentecost.		
15 Суб	Всенощная. Мф. 28:16-20	6:00 ч.в.	15 Sat	Vigil. Matt. 28:16-20	6:00 PM
16 Вск	Литургия.	9:30 ч.у.	16 Sun	Divine Liturgy	9:30 AM
Еф. 2:4-10. Лк. 8:41-56			Еф. 2:4-10. Lk 8:41-56		
Неделя 24-я по Пятидесятнице.			Twenty-fourth Sunday after Pentecost.		
22 Суб	Всенощная. Мрк. 16:1-8	6:00 ч.в.	22 Sat	Vigil. Mark 16:1-8	6:00 PM
23 Вск	Литургия. Еф. 2:14-22. Лк 10:25-37	9:30 ч.у.	23 Sun	Divine Liturgy Eph 2:14-22 Lk 10:25-37	9:30 AM
Неделя 25-я по Пятидесятнице.			Twenty-fifth Sunday after Pentecost.		
29 Суб	Всенощная Мрк. 16:9-20.	6:00 ч.в.	29 Sat	Vigil. Mark 16:9-20	6:00 PM
30 Вск	Литургия. Еф. 4:1-6. Лк. 12:16-21	9:30 ч.у.	30 Sun	Divine Liturgy. Eph 4:1-6. Lk 12:16-21	9:30 AM
Следите за Сретенским приходом на Facebook			Follow us on Facebook		

<https://www.facebook.com/orthodoxchurchstratfordct>

Итнернет страница прихода – See our web-page: <http://www.presentationofchrist.org/>

святитель Игнатий (Брянчанинов)

Иосиф, священная повесть, заимствованная из книги Бытия

Священная повесть, заимствованная из книги Бытия (гл. 32–50)¹

/Продолжение/

Иосиф во рву. Что делают братья? Они сели есть... Созревшая ненависть!.. Когда какая-нибудь страсть созреет в душе, душа уже не чувствует своего смертного недуга. Страшнее быть сердцем в этой глубине злобы, чем телом, при душе ангельской, во рву глубоком. Сыны Иакова совершили злодеяние, как бы исполнили долг: столько природнилась им ненависть к брату. «И седоша ясти хлеб» (Быт. 37:25), – говорит Писание.

Когда совершалась эта трапеза, конечно, на ней не присутствовало ничего доброго. Буйно совершалась она. Как иначе могли обедать убийцы? Громкий хохот прерывал страшное молчание, то был хохот души, которая сбросила с себя одежду стыдливости, наслаждается усвоившейся, насытившейся злобой. Выскакивали по временам адские слова – как бы из темной пропасти – из сердец, решившихся на братоубийство. Мрачны, зверовидны были лица обедающих. Зрение и слух их угрюмо, дико блуждали всюду. Не управляло уже здесь благоразумие. Какое благоразумие! Когда страсти овладеют человеком, тогда ум, лишенный владычества, служит угодливым и изобретательным слугой страстям для удовлетворения их лукавых, прихотливых, преступных требований.

¹ Преподобный Ефрем Сирин, церковный писатель IV века, составил сказание о прекрасном Иосифе, в литературной форме того времени. Эта повесть читается, по указанию церковного Устава, на утрени во вторник Страстной недели.

Пируют сыновья Иакова над могилой с живым мертвецом, и вот мечущиеся взоры их внезапно усматривают путешественников. То были измаильтяне, купцы. Они показались от Галаада, на дороге к Египту. Их верблюды были обильно навьючены стираксой, бальзамом и ладаном: эти товары везли они для продажи в Египет. На бешеной трапезе послышался голос: «Что нам пользы, если убьем брата и скроем кровь его? Продадим его этим измаильтянам! Руки же наши да не будут на нем: ведь он брат нам и плоть наша!» Голос этот был голос Иуды, четвертого в сынах Иакова; Иуда предложил продажу брата-праведника. Чрез многие столетия явится другой Иуда, он скажет о другом Праведнике, о самом Богочеловеке: «Что ми хотите дати, и аз вам предам Его?» (Мф. 26:15).

Зазвенели златницы... уже вытащен из колодца Иосиф и поспешно продан аравитянам. Ни одного спорного слова ни о цене, ни о пленнике не произнесено ни с той, ни с другой стороны. Не умолчало бы Писание о достойном памяти слове, если бы оно было сказано. Писание в этой повести передает и те слова, которые сколько-нибудь стоят замечания. Звучат златницы... их было двадцать. Как схож звон этот со звоном тридцати сребренников!... Блаженный юноша, проданный за двадцать златниц! Ты удостоился быть прообразованием Проданного за тридцать сребренников!

Рувима не было за обедом. Не был он участником в умысле и заговоре преступном, не был и на пиру, на котором праздновалось удавшееся злодейство. Тайно приходит он ко рву, и зовет погребенного. Нет ответа. Опять зовет... нет ответа! В отчаянии он рвет на себе одежду, прибегает к братьям, говорит им: «Нет юноши во рву! Куда теперь денусь я?..» В ответ зазвучали златницы. Их было двадцать: девять братьев, присутствовавших при продаже, доказали, что они не забыли отсутствовавшего десятого.

Между тем сыновья Иакова придумывали как скрыть от старца-отца поступок свой с Иосифом. Они закололи козленка, в крови его облагрили пеструю одежду, и послали ее отцу с жестким вопросом: «Мы нашли это; узнавай – одежда ли это сына твоего, или нет?» – он узнал ее, он сказал: «Это – одежда сына моего: зверь лютый съел его? Лютый зверь похитил Иосифа!» Растерзал Иаков на себе одежды, надел на себя вретиче и многие дни оплакивал сына. Собрались к нему сыновья и дочери, они утешали старца. Но он не хотел утешиться, говорил: «Сойду с стенанием к сыну моему в ад». Долго повторял он эти слова и долго плакал.

Измаильтяне привели Иосифа в Египет (Быт. 39), там перепродали его Пентефрию, вельможе фараона – фараонами именовались цари египетские – начальнику телохранителей царских. И Господь был с Иосифом, таинственно бдел над ним, помогал ему. Скоро заметил господин благословение неба над рабом своим, и очень полюбил его. Следствием этой особенной любви было то, что Пентефрий вручил Иосифу управление всем домом своим и всем имением. Господь, ради Иосифа, благословил достояние египтянина: излилась благодать Божия на все имение его, на дом его и на поля его. Пентефрий предался расположению своему со всею беззаботливой доверчивостью, даже сам не осматривал ничего, не обращал ни на что внимания. Иосиф был очень статен, прекрасен собой. Красота его привлекла взоры жены Пентефрия. Страсть объяла ее: открыто, прямо объявила она юноше страсть свою. Юноша не согласился на беззаконие. Он увещевал жену, пылавшую безумным и преступным вожделением, он говорил ей: «Господин мой так вверился мне и так почил на моих заботах, что даже не знает ничего, что у него в доме. Все добро свое он сдал безотчетливо в мои руки: в его доме нет никого выше меня; все в моем ведении, кроме тебя, супруги его. Как же мне поступить по словам твоим? Как мне согрешить пред Богом?» – Не слышит преступная жена мудрых слов сына Иаковлева: другое говорит в ней овладевшая ею страсть. Она слышит только голос страсти: слова Иосифа пролетели мимо слуха ее, как пустые звуки без смысла и значения. От времени до времени повторяет жена предложение, всегда с одинаково открытой, пламенной наглостью. Однажды Иосиф занимался в доме по должности своей; случилось, что тут никого не было из домашних, исключая госпожи. Она схватывает его за одежду, умоляет, требует, чтоб желание ее было тут же исполнено, Иосиф вырывается из рук ее, убегает; верхняя одежда его осталась в руках египтянки. Неудовлетворенная преступная любовь внезапно превращается в бешеную ненависть: та, которая за минуту искала насладиться прелестями прекрасной плоти, теперь неистово жаждет напиться кровью. Вопиет исступленная египтянка, громким визгом и криком сзывает домашних. Прибегают они. «Глядите, – говорит им египтянка, – этот молодой еврейнин введен в дом наш, чтоб поругаться над нами!.. Он пришел ко мне... он сказал мне... я закричала громким голосом... услышав вопль мой, он убежал от меня... вот верхняя его одежда в руках моих!» Она

сохранила эту одежду до возвращения Пентефрия. В другой раз одежда – немой, услышанный лжесвидетель на Иосифа. Когда возвратился вельможа, жена пересказала ему событие. Она говорила жалобно и тихо: «Ко мне приходил молодой евреянин, которого ты ввел к нам, чтоб обесчестить нас, и предлагал мне беззаконие. Когда же я громко закричала, он убежал, оставив у меня свою верхнюю одежду». Услышав сказание правдоподобное, в котором простотой и холодностью рассказа искусно прикрывались страшная буря душевная и адская клевета, видя в руках жены доказательство происшествия – одежду Иосифа, доказательство, против которого, по-видимому, не было опровержений, Пентефрий пришел в сильное негодование. Расспросы и суд признал он излишними, ненужными, – так преступление раба в глазах его было ясно, живо, очевидно. Он велел ввергнуть Иосифа в темницу, в которой содержались государственные преступники – в твердыню – так называет эту темницу Писание.

Господь, избравший Иосифа с дней его детства, Господь, помогавший ему в плену и в доме Пентефрия, не оставил его и в темнице. Расположилось к Иосифу сердце начальника темницы: он вверил юному узнику всю темницу, всех узников, заключенных в ней, и, подобно Пентефрию, почил со всей доверенностью на заботах Иосифа. Спустя несколько времени, провинились пред египетским царем двое вельмож его: старейшина виночерпий и старейшина над хлебами (Быт. 40). Разгневанный фараон заключил их в ту же темницу, в которой содержался Иосиф. Начальник темницы поручил их Иосифу. Когда они пробыли несколько дней в темнице, в одну и ту же ночь каждый из них увидел сон. Утром приходит к ним Иосиф и замечает, что они оба в смущении. Он спрашивает вельмож фараоновых: «Отчего на лицах ваших печаль?» Они отвечают: «Каждый из нас видел сон, но некому истолковать снов наших». Иосиф сказал: «Не Бог ли дает дар изъяснять те сны, которые посылаются от Него? Расскажите мне сны ваши». Из слов Иосифа видно его духовное преуспевание, плод искушений. Когда в детстве он видел сны, то ощущал только, что в них есть значение, и пересказывал их отцу и братьям, как бы ища объяснения, но не смея присовокуплять никакого толкования. А здесь едва услышал, что старейшины видели сон, и уже надеется найти разрешение загадочных сновидений в Боге, к Которому он приблизился, Которому усвоился скорбями, верой, чистотой, молитвой. Сны ввели его в горнило скорбей; сны выведут его из этого горнила, в который Промысл обыкновенно ввергает людей, предназначенных им для дел великих. Начал старейшина виночерпий рассказывать сон свой: «Привиделось мне, – сказал он, – что передо мной виноградный сад; в саду вижу три лозы, сочные пустившие отрасли и давшие зрелый плод. Чаша фараонова была в руке моей. Я взял кисть винограда, выжал сок в чашу и подал ее фараону». Иосиф отвечал: «Вот значение этого сна: три лозы – три дня. Пройдут еще три дня, и вспомнит фараон о тебе, возвратит тебе прежний сан твой старейшины виночерпия: ты будешь подавать чашу фараону по-прежнему. Тогда, в благополучии твоём, вспомни о мне. Окажи мне милость: поведай о мне фараону, и изведи меня из этих угрюмых стен. Я украден из еврейской земли, и здесь не сделал ничего худого, а меня ввергли в эту ужасную темницу». Старейшина над житницами, услышав истолкование благоприятное, также пересказал свой сон Иосифу: «И я, – говорил он, – видел сон. Мне представилось, что держу на голове три корзины с хлебами. В верхней корзине было всякого рода печенье, употребляемое фараоном. Внезапно налетели птицы, начали клевать печенье». Иосиф отвечал: «Вот значение сна: три корзины – три дня. Пройдут еще три дня – и снимет фараон с тебя голову твою! труп твой повесят на древе; птицы небесные съедят тело твое». Настал третий день: это был день рождения фараона. Он дал пир своим придворным; в беседе с ними вспомнил царь о двух заключенных старейшинах: старейшине виночерпию возвратил прежний сан, и тот снова стал подавать чашу фараону, а старейшину над житницами велел казнить, по предсказанию Иосифа. И забыл старейшина виночерпий о Иосифе. Еще нужно было праведнику томление в темнице! Еще нужны ему были уединение и мрак тюрьмы, чтобы душа его глубже погрузилась в молитву, ею еще более приблизилась к Богу, еще светлее озарилась разумом духовным..

Продолжение следует

святитель Игнатий (Брянчанинов) *Аскетические опыты*, М.: Паломникъ, 2011; Творения: в 5 т. / Т. 2. – 2014
Азбука веры: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/tom2-asketicheskie-opyty/2

St Ignatius (Brianchaninov)
Joseph: An Edifying Story Taken from the Book of Genesis
(continued)

However, Reuben, the eldest son of Jacob, “delivered him out of their hands” (Gen 37:21). He said, “Let us not kill him with our own hands! Drop him into one of the pits here, but do not raise your hands against him!” For the softened Reuben thought to return the favored son to his father. They took off Joseph's coat of many colors and threw him into a deep, dry well. A living man was cast into a terrible grave. Joseph is in the pit, in the very jaws of death!...

O holy youth, such an experience begins your spiritual expertise! How wondrous is the strength of your soul that endured such cruel sorrow! Firmness in sorrows is given by a blameless, spotless conscience. Teach us also to seek your purity and firmness, these great buttresses for the heart during life's misfortunes.

Joseph is in the pit. What do the brothers do? They sit to eat! What horribly ripened hatred! When a passion ripens in the soul, the soul no longer senses its fatal sickness. It is more horrible to be a heart in the depth of such evil than a body, with an angelic spirit, in a deep pit. The sons of Jacob committed a crime as though they were doing their duty: so habitual had hatred for their brother become that as the Scriptures say, "they then sat down to eat a meal" (Gen 37:25).

Of course, there could be nothing good in the taking of such repast. The meal was unruly. Can murderers dine in any other manner? Loud laughter interrupted horrible silences; that was the laughter of a soul that had thrown off itself the clothing of shame. This soul found pleasure and satiety in the doing of the evil. Occasionally hellish words would erupt, as though from the depths of the earth, from hearts that had decided to commit fratricide. Dark and bestial were the faces of the diners. Their vision and their hearing were morbid, wildly wandering all over. Wisdom had no more control here. What wisdom? When the passions overcome a person, then the mind, deprived of lordship, serves as an obsequious and resourceful slave of the passions for the gratification of their evil, capricious, and criminal desires.

The sons of Jacob hold feast over a grave with a living corpse, and so their gaze wanders hither and thither. Unexpectedly, they notice a group of travelers. These were Ishmaelites, merchants. They came from Gilead and were traveling to Egypt. Their camels were abundantly laden with spices, balm, and myrrh—these were intended for sale in Egypt. A voice was heard among the rabid diners: “What profit is there if we kill our brother and conceal his blood? Come and let us sell him to the Ishmaelites, but let not our hand be upon him; for he is our brother and our flesh” (Gen 37:26-27). This was the voice of Judah, the fourth son of Jacob; Judah offered the sale of their brother-saint. Many centuries will pass, another Judas will appear, and he will say about another righteous one, the very God-Man Himself: "What are you willing to give to me if I deliver Him to you?" (Matt 26:15).

The gold coins jingle ... Joseph is taken from the well and quickly sold to the Arabs. Not a single haggling word about price or the prisoner is uttered on either side. The Scriptures would not have remained silent about such words if they had been said. The Scriptures in this tale relate even words that are only somewhat worth listening to. The gold coins jingle..... there were twenty of them. How similar is this sound to the jingle of thirty pieces of silver! ... O blessed youth, sold for twenty gold coins! You have become a worthy prototype of the One Who was sold for thirty pieces of silver.

Reuben was not present at the iniquitous meal where the crime was celebrated. Neither was he a member of the conspiracy to murder Joseph. Secretly, he comes to the pit and calls to the buried one. There is no answer. Again, he calls, and again—no answer! In despair, he tears his clothes, runs to his brothers, and says to them, “The lad is not there; and I, where shall I go?” In answer, the coins jingle. There were twenty coins—two for each. The nine brothers who were present at the sale did not forget the tenth who was absent.

In the meantime, the sons of Jacob concocted a plan to hide their crime from their father. They killed a goat kid and covered Joseph's cloak in its blood. Then they sent it to their father with a harsh question: “We found this; do you recognize it as your son's or not?” He recognized it and said, “This is the clothing of my son; has a wild animal eaten him? A wild animal has seized Joseph!” Jacob tore his clothes, put on sackcloth, and bewailed his son for many days. His sons and daughters gathered to him; they consoled the old man. But he would not be comforted, saying, “I will go with groaning down to hell to see my son.” For a long time, he repeated these words and wept.

The Ishmaelites brought Joseph to Egypt (Gen 39) and sold him to Potiphar, a nobleman of Pharaoh's court ("Pharaoh" was the title of the king of Egypt), and the leader of the royal bodyguards. The Lord was with Joseph, mysteriously watching over him, helping him. Soon Potiphar noticed that his slave was blessed by heaven, and he came to love him dearly. Soon, Potiphar gave Joseph the management of his entire household

and estates. The Lord, for the sake of Joseph, gave prosperity to the Egyptian. The grace of God poured over his entire estate, his house and his fields. Potiphar trusted Joseph completely. He did not even oversee anything; he left everything to Joseph.

Joseph was a stately youth, of great physical beauty. His beauty attracted the gaze of Potiphar's wife. Lust seized her—openly, directly, she declared her passion to the young man. The youth did not agree to lie with her. He exhorted the woman, who was on fire with mad and iniquitous desire, saying, “My lord has so come to trust me and so depends on me that he does not even know what is going on in his own house. He has delivered all his goods into my hands without requiring an account of me. There is no one higher in his household than I; everything is administered by me, save for you, his wife. How can I do as you ask? How can I sin before my God?”

The sinful woman does not listen to the wise words of the son of Jacob. The passion that has mastered her says something else to her. She hears only the voice of lust; the words of Joseph fly into one ear and out the other, empty noises without meaning or significance. From time to time, the wife repeats her proposition, always with the same brazen impudence.

One time, Joseph was working in the house, as was his duty. As it happened, there was no one in the house except for the mistress. She grabbed the clothes he was wearing, begging, demanding that her desire be fulfilled immediately: Joseph tore himself away from her and escaped, but his outer clothing remained in the hands of the Egyptian woman. Her unfulfilled sinful passion immediately transformed into demented hatred. The one who only a moment before sought the pleasures of a beautiful body now frantically thirsts for his blood.

The maddened Egyptian woman wails; with a loud shriek and cry, she calls all the servants. They come. “Look,” she says to them, “this young Hebrew was brought into our house to mock us! He came to me... he said to me... I screamed loudly.... Afraid of my screaming, he ran away from me..... here is his clothing in my hand!” She kept the clothing until Potiphar's return.

A second time his clothing became a silent false witness against Joseph. When the nobleman returned, his wife told him what had happened. She said pitifully and quietly, “The young Hebrew—whom you brought into our house to dishonor us!—came to me and offered me to sin with him. When I screamed loudly, he ran away, leaving behind his outer clothing.”

Hearing the ring of truthfulness in the account, in which a cold and precise narrative cleverly hid a horribly tormented soul and hellish slander, seeing in the hands of his wife the seemingly incontrovertible proof of the incident—the clothes of Joseph—Potiphar became exceedingly angry. He decided that questioning and juridical proceedings were excessive, unnecessary, since the crime of his slave was obvious. He commanded that Joseph be cast into the prison for political prisoners.

The Lord, Who chose Joseph from the days of his childhood; the Lord, Who helped him in slavery in the house of Potiphar—He did not abandon Joseph in prison. The chief prison keeper came to like him; eventually, he entrusted the entire prison and all the imprisoned to Joseph's care. Like Potiphar, he put all his trust in Joseph. After some time had passed, two of Pharaoh's servants—the chief cupbearer and the chief baker—committed offenses before their king. Enraged Pharaoh imprisoned them in the same prison that still held Joseph. The keeper of the prison entrusted their care to Joseph. After spending several days in prison, they each had a dream on the same night. In the morning, Joseph came to them and noticed that both were disturbed. He asked them, “Why do you look so sad?” They answered, “Each of us has seen a dream, but there is no one here to interpret them.” Joseph said, “Is it not God Who gives the gift of interpretation of those dreams that He sends? Tell me your dreams.”

From these words of Joseph, we see his spiritual advancement, the fruit of his trials. When he saw dreams in childhood, he only sensed that they had meaning, and he retold them to his father and brothers, seeking their interpretation, not daring to interpret them himself. Now, no sooner does he hear that the prisoners saw dreams than he already hopes to find the resolution of the cryptic dreams through God, to Whom he had drawn near, with Whom he had become intimate through his sorrows, faith, purity, and prayer. Dreams had led him to the crucible of sorrows; dreams will now lead him out of that crucible, into which the providence of God usually casts people called by Him to great deeds.

The chief cupbearer began his account: “It seemed to me that before me was a vineyard; in the vineyard I saw three branches that had blossomed first into flowers, then into rich clusters of grapes. The cup of Pharaoh was in my hand. I took the grapes, pressed them into Pharaoh's cup, and gave it to Pharaoh.”

Joseph answered, "Here is the meaning of this dream. Three branches are three days. In three days, Pharaoh will remember you and reinstate you as chief cupbearer. You will bring Pharaoh the cup as before. When that time comes, remember me in your good fortune. Show me mercy: tell Pharaoh about me and take me from these dark walls. I have been stolen from the lands of the Hebrews and have done nothing criminal, and still I have been cast into this terrible prison."

When the chief baker heard this interpretation, he also told Joseph his dream. "I also saw a dream. It seemed to me that I held three baskets of bread on my head. In the top basket were all kinds of baked goods preferred by the Pharaoh. Suddenly, birds flew down and began to eat the baked goods".

Joseph answered, "This is the meaning of your dream. Three baskets are three days. In three days, Pharaoh will take off your head. Your corpse will hang on a tree, and the birds of the sky will eat your body".

Three days passed, and it was Pharaoh's birthday. He gave a feast for the members of his court, and in conversation with them he remembered the two prisoners. He reinstated the chief cupbearer to his previous position, but he commanded that the chief baker be executed, just as Joseph had foretold. But the chief ~~cupbearer forgot about Joseph.~~ The righteous one still needed to languish in prison for a time! He still needed solitude and darkness, so that his soul would plunge even deeper into prayer, so that he would come even closer to God, so that his soul would become even brighter with spiritual knowledge.

St Ignatius (Brianchaninov), **The Collected Works of St Ignatius (Brianchaninov) - Volume 2.** *Translated from the Russian by Nicholas Kotar.* Jordanville, NY, 2019.